

PENT 8/17/03 17:45
Formatted

"БЛАЖЕН ПУТЬ..."

(К кончине митрополита Антония Сурожского)

От известия о смерти митрополита Антония Блума (19.VI.1914 - 4 VIII, 2003), пусть и не совсем неожиданной, перехватывает дыхание, опускается тишина.

Да, горе. Горе для всех любивших его, питавшихся его словом, радовавшихся его присутствию, самой возможности жить в одно время с ним. И вместе с тем эта горькая весть не врывается с пронзающим скрежетом, резким ударом, абсурдом, опустошенностью и бессилием. В нее как будто сразу же вливается умирный мотив погребального обряда:

"Блажен путь, вонже идиши днесь, душе, яко уготовася, тебе место упокоения".

"Блаженны непорочны в путь, ходящи в законе Господнем..."

"Блаженны испытующе свидения Его, всем сердцем зыщут Его..."

"Блаженны хранящие откровения Его..." - повторим эту строку 118-го Псалма в синодальном переводе. И коль скоро не тщетна вера наша, то "хранящему откровения" так, как хранил их в себе покойный Владыка, должна открыться та несказанная реальность Встречи, в которую входят праведники за порогом жизни земной. Кому как не "испытующим свидения" (свидетельства) предназначается это неведомое никому из нас, земных, блаженство, как не первому из свидетелей, тому, кто, по слову апостола, "подвигом добрым... подвизался, течение совершил, веру сохранил" (2 Тим 4,7)? Сохранил и приумножил безмерно, принес плод сторичный не только в себе самом, но и в тысячах внимавших ему людей. Не одних россиян. Не только православных. Не в одном поколении.

Vasilij 8/15/03 23:43
Deleted: .
Vasilij 8/15/03 23:44
Deleted: КОНЧИНЕ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО
Vasilij 8/15/03 23:45
Deleted: .
Vasilij 8/17/03 17:51
Deleted: ав
Vasilij 8/17/03 17:51
Deleted: густа
Vasilij 8/17/03 17:51
Deleted: г.

Vasilij 8/17/03 15:46
Deleted:

Vasilij 8/15/03 23:45
Deleted:
Vasilij 8/15/03 23:45
Deleted:
Vasilij 8/15/03 12:08
Deleted: е
Vasilij 8/15/03 12:08
Deleted: е
Vasilij 8/15/03 23:45
Deleted:
Vasilij 8/17/03 15:52
Deleted:

Vasilij 8/17/03 15:49
Deleted: .
Vasilij 8/15/03 23:45
Deleted: ,

Теперь, когда более нет с нами этого человека, подвигом добрым подвизавшегося рядом с нами и ради нас, следует сказать о нем то, что мы и так всегда знали. Подвиг его был прежде всего в бесконечно личном, на последней глубине любви пережитом и неиссякающем событии веры. Когда слышишь или только читаешь его проповеди, тотчас возникает ощущение, что Господь прошел рядом с нами, проповедуя через его душу, и душа "взошла" Его семенем, Его словом, собственной Его, Господа, жизнью среди людей. Вчитываешься, вслушиваешься и начинает казаться, что слепой нищий Вартимей, кричавший у дороги: "Сын Давидов, помилюя меня!", глухонемой отрок, исцеленный Иисусом, рыбаки-апостолы, прямо от сетей призванные быть "ловцами человеков", это сам он и есть, митрополит Антоний, ибо все, что случилось с людьми Евангелия, однажды случилось и продолжало происходить именно с ним. Все это было им прожито, выстрадано, принято всем существом, и потому, когда доносилось его устами, становилось так "восприимчиво" и для других. Не по смыслу только - смысл Евангелия, в принципе, открыт для всех, - но по чувству личной соотнесенности с ним, которое далеко не всякому дано передать.

"Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось..." - так нередко начинал Владыка свои беседы (см. его "Труды", М., 2002), накапливалось же всегда, ибо Слово Божие, раз упав на добрую почву, приносит плод постоянно, переполняет всего человека, этой почвой ставшего, и им, Словом, нельзя не делиться. Митр. Антоний не раз советовал исповедоваться так, словно эта исповедь должна стать последней, но и всякую проповедь он произносил как единственную, которую ему дано произнести, как главное исповедание своей веры. Однако для того, чтобы говорить о Евангелии так, чтобы тебя услышали не одним лишь внешним слухом, надо не только верить в него и жить им, но и владеть тайной слуха другого, уметь этот слух "пленить", подчинить его завораживающему глаголу Благой Вести, быть способным внести в него ту "благодать" Божию, которой, в сущности, ищет, часто вслепую, всякое сердце. И он был великим "пленителем", "ловцом", сетью, которое Слово забрасывало его

словами, его голосом, всем его обликом и служением. И забрасываемое в других, оно было "со властью", умело вызывать отклик, пробуждаться в слушателях, превращать их в "слышащих Слово" "Ибо слово Божие живо и действительно и острее меча обоюдоострого..." (Евр. 4:12), но всякому ли дано его так отточить, чтобы добраться до помышлений сердечных другого? Каждую строку Евангелия покойный митрополит умел наполнить своей жизнью, своим звучанием, своими помышлениями, оставаясь верным, глубочайшим образом преданным и букве, и внутренней логике, и неисследимой глубине Писания...

Удивительен был его дар действия в Слове и Словом, которому он умел дать "сказаться" в себе. "Для христианского действования характерно, - читаем мы в его беседе, посвященной столетию со дня канонизации преп. Серафима Саровского - что каждый поступок, каждое слово христианского святого есть действие Божие, совершаемое через человека, который становится со-трудником Божиим. А это возможно только благодаря созерцательной установке в жизни" («Русская Мысль», 7-13 августа 2003). Созерцанием в понимании Владыки была причастность "откровениям (или свидетельствам) Господним", становящимся реальностью его сокровенной молитвенной жизни. Из созерцания, "накопленного" и хранимого втайне внутри себя, родилось и учение владыки Антония, хотя, может быть, и неточно называть "учением" все произнесенное им о Боге, о Христе, о Богородице, о молитве, о смерти, о болезни, об исповеди, о святости и святых, о причастии, о чуде, о материи, о самом сошествии во ад... Это было - и остается - молитвенное, рождающееся на наших глазах, богословие, возникающее из опыта, одухотворенного опытным знанием многих его святых предшественников. В его богословии складывалась, строилась, запечатлевалась правда всего его существования, каждой проживаемой минуты, и вместе с тем оно дышало духом святоотеческого Предания. И потому оно, учение, согласно той же традиции было всегда устным, непосредственным и спонтанным, возникающим на глазах в таинственном общении с Богом и людьми, находящимися рядом.

PENT 8/15/03 12:40

Deleted: других

PENT 8/15/03 12:40

Deleted: .

Vasilij 8/15/03 23:45

Deleted: .

Vasilij 8/15/03 23:46

Deleted: ,

PENT 8/15/03 13:04

Deleted: ый

Vasilij 8/17/03 15:50

Deleted: .C

Vasilij 8/17/03 15:51

Deleted:

PENT 8/15/03 13:13

Deleted: "

PENT 8/15/03 13:13

Deleted: "

Богословие вл. Антония - это богословие общения, видения собеседника, внимания ему, обращения к его вопрошанию, которое еще может быть, не вылилось в вопрос, но уже передавалось, словно струилось от ученика к учителю, за плечами которого слышалось дыхание Истины.

Такое богословие могло возникнуть там, где могла осуществиться добытая изнутри или данная извне возможность открытого человеческого общения. Митр. Антония можно было назвать "человеком набело", ибо то, как он говорил или просто предстал перед людьми, не имело черновиков, потаенных копий на выброс. Весь он со всей его глубиной, пусть даже нам и не всегда доступной, был покоряюще открыт и прозрачен. Весь его облик, как и все его служение - думаю, что уместно о том напомнить - дышали свободой, той, что "дорогой ценой" покупается изнутри, но и той, что дается даром извне. О первой свободе Владыка говорил не раз, это свобода отсечения всего того, что каждого из нас соединяет с миром, отдает нас в рабство ему. "Первое, что должен сделать подвижник, это втянуть все щупальца, освободиться от рабства обладания, иллюзии, будто он чем-то обладает, тогда как на самом деле он - предмет обладания, и найти свое внутреннее "я" (PM, там же). Однако внутреннему "я" следует найти свое место и во внешнем, и в сущности между ними не должно быть разрыва, как ни в малой степени не было его в покойном Владыке. Обаятельная раскованность жеста, благородная нестесненность каждого движения, недозированная простота всякого слова стали той внешней стихией, которая словно облекала всю его фигуру, была какой-то частицей его проповеди.

Думаю, что это была малая частица пророчества - хотя об этом Владыка, должно быть, никогда не задумывался - благодатного и неизбежного в будущем союза православия и свободы. С первых шагов своего призвания и до последнего дня митрополит Антоний был верен церковной России-мученице и российской патриаршей Церкви, но всякий понимал, что никогда, ни при каких обстоятельствах не мог бы он стать тем, кем стал, если бы дано ему было родиться, уверовать и прожить жизнь на земле ее, Да и кто бы потерпел там в высоком князе

Vasilij 8/17/03 15:51

Deleted:

Vasilij 8/15/03 12:16

Deleted: так

Vasilij 8/17/03 15:51

Deleted: "

Vasilij 8/15/03 12:19

Deleted: и

PENT 8/15/03 12:35

Deleted: этой Церкви

Церкви простую человеческую открытость без "византийской", иератической высоты, без дородности владычных форм и округлости засахаренных фраз, царственной повадки перед своими и робости перед внешними, барственного "ты" нижестоящим (замененного им братским "ты" каждому и требованием, чтобы с тем же "ты" обращались и к нему)? Где бы столь естественно могло проявить себя уважение к достоинству всякого встречного, сердечность и равенство в обращении как с сановитыми его собратями, так и с подметальщицей в храме, с нищим на паперти, ненаигранная человечность, неразумение той элементарной азбуки бытовой "иерархичности бытия", коей первым же делом овладевает у нас всякий переступающий порог храма, но Христу абсолютно неведомой? Владыка Антоний пришел из иного мира, и была в нем этика рыцарства в отношении к каждому, ибо каковым он предстал перед Богом, таковым являлся и перед людьми. Когда вызываешь мысленно его образ, невольно вспоминаешь шестовское выражение "рыцарь веры", рыцарь верности и даже, если такое сочетание не покажется абсурдным, рыцарь-брат.

В те душевные годы с теплощейся надеждой, надежде вопреки, когда владыка митрополит проповедовал, вольно беседуя, по советским квартирам и малым кружкам, не только мне приходил в голову вопрос: как же можно было в условиях нестесненной свободы хранить верность нашей Церкви, так послушно "борющейся за мир" и публично отрекающейся от своих мучеников? Признаюсь, этот вопрос давно уж не тревожит меня. "Совершенная любовь изгоняет страх", - сказал Иоанн Богослов. Совершенная любовь очищает и взгляд, страстно высматривающий тьму в других и упоенный собственной чистотой. Совершенная любовь не дает нашему существу опуститься до тьмы другого. Владыка Антоний сумел стать человеком, в котором победа именно такой любви была делом видимым и решенным, она светилась в его глазах, сочилась из его слова, говорила о себе в движениях рук. И когда он говорил о связи всякого творения с Господом, то все твари становились для него единой общиной, к которой принадлежал и он и был ее добрым пастырем.

Vasilij 8/16/03 22:05

Deleted: Да и кто бы потерпел в князе Церкви полное отсутствие пресловутого выработанного веками "византизма", снисходительной благосклонности к народу, дородности владычных форм и округлости засахаренных фраз, царственной важной повадки перед своими и робости перед внешними, барственного "ты" нижестоящим (замененного им братским "ты" каждому и требованием, чтобы с тем же "ты" обращались и к нему)?

PENT 8/18/03 18:03

Deleted: высоко

И вместе с тем собственный духовный мир его был трагичен, он часто говорил об ужасе земного бытия, о необходимости спуститься в темную глубину человека, но об этом мы, его слушатели, слышали словно вполуха, потому что в его словах сквозил не мрак, не ужас, но свет. Он вглядывлся в каждого, и свет загорался или как-то начинал теплиться в том, кого он видел. Об этом очень точно и тонко написала Ольга Седакова: "Он посмотрел на меня не то чтобы не своими глазами — своими: но еще и глазами великой, бессмертной победы, глазами Воскресения, глазами близко стоящего Царства. Поразительно было не только то, что такие глаза совершенно въяве можно увидеть здесь и сейчас, — но то, что и я оказалась не совсем тем, кто только что спрашивал: я оказалась тем, кого эти глаза *видят!* И по существу, нужно ли человеку какое-то еще утешение, какой-то еще совет?" (Ольга Седакова, *Антоний Митрополит Сурожский. Труды*, Континент 2003, С. 115).

И от этого его света начинала таять всякая недобрая душевная пучина, отступая перед лицом доброты или, по-старинному, красоты его пастырства. Эта теплая красота распространялась на все, с чем он соприкасался. Такому пастырству невозможно подражать, оно было даром, легким и чистым, и являло себя, прежде всего, в отсутствии средостения между ним и всяким другим существом, которое оказывалось в поле его глаз, слов или протянутой руки. Подлинный пастырь не может не делиться своим даром со всяким, даже когда этим всяким оказывается явный враг со смертью за спиной.

Мне вспоминается сцена ареста в парижском метро, о которой Владыка не раз рассказывал с неизменным юмором. Агенты полиции Виши останавливают подпольного врача, подозреваемого в участии в Сопротивлении, и он раскрывается перед ними весь, ничуть не таясь, не скрывая, кто он и те, растерявшись от этой внезапной веселой открытости, не знающей страха, его отпускают. Но здесь, по сути, была мгновенная, интуитивно найденная реакция доброго пастыря, умевшего передать свою доброту другим, заразить ею, "посмотреть со светом", ибо эта внезапная вспышка доброты была, наверное, вписана так сказать, в духовные гены Владыки. (Не с той же ли веселостью

PENT 8/15/03 12:48
Deleted: смотрел на
Vasilij 8/15/03 12:21
Deleted: в
PENT 8/15/03 12:48
Deleted: нас
PENT 8/15/03 12:48
Deleted: каждом

Vasilij 8/17/03 15:57
Deleted:

PENT 8/18/03 18:05
Deleted: глубина

Vasilij 8/15/03 12:22
Deleted: ей

Vasilij 8/17/03 15:57
Deleted:

Vasilij 8/15/03 17:26
Deleted: с

PENT 8/15/03 12:50
Deleted: такой веселостью

Vasilij 8/15/03 17:26
Deleted:

PENT 8/15/03 12:51
Deleted: такая реакция

"многочасно и многократно" беседовал со следователями КГБ и отец Александр Мень?) И эта светоносность пастырства митр. Антония, не сгибалась перед опасностью, не, растекалась перед обожанием внимавших ему слушателей (тоже ведь для пастыря непростой искуc). Он всегда оставался в твердости доброты, напоенной отнюдь не сентиментальной любовью, прямым, звонким, прозрачным. И всегда честно удивлялся, когда слышал слова благодарности. "Да что я такого необыкновенного наговорил?"

Вл. Антоний часто в беседах своих вспоминал свой первый опыт прочтения Евангелия. Воспитываемый в духе неколебимости и героического реванша, готового хоть завтра отправиться на борьбу с поработителями родины, в Париже в конце двадцатых годов 14-летним мальчиком он услышал однажды лекцию о христианстве. Видимо, гений о. Сергия Булгакова, читавшего ту лекцию, был ему дан не для бесед с подростками. Вернувшись домой, юный и героический Андрей Блум решил почитать Евангелие, то, которое покороче, чтобы покончить раз и навсегда с этими глупостями, которые толкуют о смирении и любви к врагам. И, как все знают, после второй главы от Марка, ему явился живой Христос. Здесь и теперь, на расстоянии вытянутой руки. И реальность этой встречи была и осталась абсолютно непререкаемой.

Автор сих строк в возрасте вдвое старше, с жизнью за плечами уже достаточно запутанной, с головой полной горделивых "своих" идей, мудрых и философских (скажем, о том, что вера есть мифологема для народа, не умеющего возноситься мыслью) был позван однажды другом (в начале 70-х) послушать знаменитого проповедника, некоего митрополита. Отчего же не пойти, как-никак любопытно. Проповедь должна была состояться на субботней всенощной в московском храме Николы в Хамовниках. Митрополит, однако, не приехал, служба прошла без него. С первых же ее минут я почувствовал, что какая-то радостная, ликующая сила вошла в мое существо, и оно проснулось, откликнулось. И вдруг стало светло и ясно, что Бог с ними - с нами - молящимися, что Христос здесь, поблизости, в этой молитве. Что Он всегда был со мной, только вот я

- Vasilij 8/15/03 12:39
Deleted: агентами
- Vasilij 8/17/03 15:57
Deleted: .
- PENT 8/15/03 12:52
Deleted: доброта
- PENT 8/18/03 17:52
Deleted: Владыки
- Vasilij 8/15/03 12:39
Deleted: ни
- Vasilij 8/15/03 12:39
Deleted: и

- Vasilij 8/17/03 15:52
Deleted:

- PENT 8/15/03 12:58
Deleted: Что
- Vasilij 8/17/03 15:58
Deleted:
- PENT 8/15/03 12:58
Deleted: и
- Vasilij 8/17/03 15:58
Deleted:

не был у себя. Правду сказать, разум не сразу сумел со всем этим справиться (ему бедному пришлось оправдывать, осмысливать, осваивать радость этой встречу еще несколько дней). Когда через три недели я был крещен, то, какое бы то ни было сомнение в реальности пережитого опыта, мне уже казалось невыносимым. И вопрос "есть ли Бог или нет?" был для меня давним и праздным вопросом.

Всю жизнь я носил в памяти этот долг перед Владыкой, никому о том не рассказывая. Впрочем, ему мне однажды удалось сказать об этом. Он рассмеялся: "Благодарить? Да при чем тут я?" Действительно, если будем судить по обстоятельствам внешним, при чем? Но есть во мне уверенность, что его "я" совсем не оказалось случайным, отсутствующим на той всеобщей. Ибо Господь Сам обустроивает обстоятельства для встречи с Ним. И лучше нас умеет выбирать людей, которые вольно и невольно становятся путями к Нему. Благодарить - от разума говоря - было совсем не за что, но тогда я почувствовал, как чувствую и сейчас, что этот человек (тогда еще мной не виденный) - проводник, и даже более того, путь. Хотя ему самому об этом - в жизни земной - и знать-то необязательно.

И вот сейчас при известии о кончине человека-пути, кажется, что путь этот не оборвался. Дело не только в огромном книжном и проповедническом наследстве, оставленном Владыкой и собранном его учениками, которому уготовано наше здешнее литературное бессмертие. Не о нем сейчас речь. Тот земной путь скрылся за гранью нашего здешнего видения, он, как мы верим, соединился с Тем, Кто сказал о себе "Я есть Путь, Истина и Жизнь", с Тем, Кто сказал, что "Бог не есть Бог мертвых, но живых". Теперь, когда Владыка Антоний ушел от нас и стал памятью, присутствие его все неоспоримей, все полнее будет сопрягаться с памятью Христовой, просыпаться памятью Божией, продолжая дело Владыки на земле.

"Поминайте наставников ваших", - говорит Писание (Евр 13:7). Участник этой памяти, пишущий эти строки - один из тысяч среди тех, кто обязан Владыке своей встрече со Христом. И потому служение памяти, литургической и сердечной, останется отныне его - и общим нашим - светлым, отрадным, райским долгом.

PENT 8/18/03 18:15

Deleted: и не мог

PENT 8/18/03 18:11

Deleted: у

Vasilij 8/17/03 15:59

Deleted: то

Vasilij 8/15/03 12:41

Deleted: б

PENT 8/15/03 12:59

Deleted: при чем

Vasilij 8/17/03 15:48

Deleted: ,

Vasilij 8/15/03 12:41

Deleted: _

PENT 8/15/03 12:59

Deleted: с

Vasilij 8/17/03 15:59

Deleted:

Vasilij 8/17/03 15:48

Deleted: .

Vasilij 8/17/03 15:48

Deleted: ,

Vasilij 8/17/03 15:48

Deleted: .

... [1]